

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Цена победы —
сто тысяч
к одному

РАЗВЕДКА

41 ГО

ГЕНЕРАЛ БЕЗ АРМИИ

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Генерал без армии

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Генерал без армии / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-166323-0

Боевые романы о ежедневном подвиге советских фронтовых разведчиков. Поединок силы и духа, когда до переднего края врага всего несколько шагов. Подробности жестоких боев, о которых не рассказывают даже ветераны-участники тех событий. Лето 1942 года. Советское наступление на Любань заглохло. Вторая Ударная армия оказалась в котле. На поиски ее командира генерала Власова направляется группа разведчиков старшего лейтенанта Глеба Шубина. Нужно во что бы то ни стало спасти генерала и его штаб. Вся надежда на партизан, которые хорошо знают местность. Но в назначенное время партизаны на связь не вышли: отряд попал в засаду и погиб. Шубин понимает, что теперь, в глухих незнакомых лесах, под непрерывным огнем противника, им придется действовать самостоятельно... Новая книга А. Тамоникова. Боевые романы о ежедневном подвиге советских фронтовых разведчиков во время Великой Отечественной войны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166323-0

© Тамоников А. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Генерал без армии

Глава 1

Язык был не прочь поболтать, обладал ценными сведениями и отнюдь не нордическим темпераментом. Он глотал слова, извивался, придавленный коленом старшего лейтенанта Шубина, активно не хотел умирать и мог бы говорить часами. Но время поджимало. Последние слова пленного унтер-офицера были о том, что у него большая семья в Штутгарте. До войны он трудился на сборочном конвейере завода Порше, то есть является рабочим человеком!

Однако слияния пролетариев двух стран в этот поздний час разведчики не планировали. Глеб убрал колено, пленник воспрянул духом, но в следующий миг Завадский перерезал ему горло, и оба поспешили убраться, чтобы их не обрызгало кровью. Агонизирующее тело они оттащили в кусты, добавили к двум другим и с чувством покурили.

Каждый перекур казался им даром божьим. Другого могло и не быть.

Ночной патруль оказался кстати. У кого еще спросить дорогу?

Над головой в разрывах листвы виднелось небо, усеянное звездами.

Местность в районе была сложной – леса, болота, непроглядные заросли. Дороги и открытые пространства практически отсутствовали.

В сумраке выделялись размытые фигуры в мешковатых комбинезонах. На задание со старшим лейтенантом отправились пятеро. Курили бойцы быстро, пряча огонечки в кулаки.

– Правильно идем, товарищи, – прошептал Шубин. – Господин унтер-офицер был уверен в том, что интересующие нас батареи расположены между деревнями Листвянка и Приютово, в трех верстах от нас. Верить ему на слово мы, понятно, не будем, прогуляемся, чтобы убедиться. Идем в колонну по одному, дистанция три метра. Глинский с рацией – сзади. Патруль немцы хватятся, но найдут не скоро. Время у нас есть. Обратно пойдем другой дорогой. Докуриваем, и вперед.

Подчиненные молчали, сосредоточенно дымили.

Звуки канонады нарастали, потом отдалялись. Разведчикам казалось, что орудия бьют со всех сторон. Иногда в раскаты орудийного грома вплетался рев авиационных моторов. Ожесточенное сражение шло в десяти верстах, не прекращалось ни днем, ни ночью. Обескровленная Вторая Ударная армия предпринимала отчаянные попытки вырваться из котла.

Смазанные тени скользили по ночному лесу. Пыхтел Лева Глинский, тащил на закорках радиостанцию с радиусом действия полтора десятка километров. Бойцы двигались по верхам, болотистые низины оставляли в стороне. Грустный опыт у них уже имелся.

Никита Костромин до сих пор не мог прийти в себя, ощупывал стоящий колом комбинезон и шептал что-то вроде молитвы. Три часа назад он ушел в трясину по горло, схватиться было не за что, дыхание перехватило. Если бы Ленка Пастухов вовремя не обернулся, то парня уже не было бы на свете. Товарищи над ним даже не подтрунивали, натерпелся, чуть глаза из орбит не вылезли.

Лес уплотнялся. Разведчики преодолевали баррикады из сушняка и бурелома.

В стороне гудели моторы. Там шла танковая колонна вермахта. Немцы стянули в этот район огромные силы, не выпускали из котла окруженные войска.

Лающая немецкая речь больно ударила по ушам. Разведчики рассыпались по траве, затаили дыхание. Красноармеец Боровик не нашел, куда упасть, присел за деревом.

Неподалеку находилась опушка, там стояло крупное подразделение вермахта. Разносились команды младших командиров. Бряцал металл, переговаривались люди. Войска против-

ника находились в повышенной готовности, в любую минуту могли перекрыть брешь. Потери немецкое командование не смущали. Красная армия в эти трагические дни теряла больше.

Разведчики слились с местностью, замерли. Завозился Глинский. Рация на горбушке причиняла ему болезненные неудобства. Завадский шикнул на товарища, и Лева замер.

Тени покачивались за деревьями, солдаты месили сапогами податливую глину. Несколько человек шли по лесу, под ногами у них трещали и ломались сырые ветки. Кто-то оступился, выругался. Другой засмеялся. Мол, что, Курт, русская земля уже не держит? Третий предположил, что ничего ужасного до завтрашнего обеда не произойдет. Русские снова полезут в прорыв по горам своих трупов, артиллерия их будет методично избивать, добегут считанные единицы, и пехоте не придется напрягаться, чтобы отразить эту атаку. Почему эти русские так просто отдают свои жизни, причем не только рядовые, но и командиры? Чем их не устраивает, например, сытый германский плен?

Шубин стиснул зубы.

Русские солдаты в этих проклятых болотах у Мясного Бора гибли тысячами, и немцы не могли понять, зачем они это делали.

Лежать разведчикам пришлось долго. Фрицы уходили с ленцой, никуда не спеша.

Когда шум затих, группа пришла в движение, но вскоре уперлась в неодолимую преграду из бурелома и колючих веток. Штурмовать эти залежи можно было до утра.

Шубин рискнул вывести людей на опушку. Немцы ушли оттуда, там никого не осталось. Дымились недогоревшие кострища, валялись обрывки бинтов, упаковки от еды, пустые сигаретные пачки.

Несколько минут группа рискованно маячила на юру, потом опять растворилась в лесу.

Невдалеке пролежала проселочная дорога до деревни Листвянка. Согласно вводным данным, все ее жители ушли с отступившими советскими войсками. От соседнего Приютова три недели назад остались одни головешки.

«Спасибо унтер-офицеру. Даже неловко, что пришлось убить его. Маршрут, описанный им, оказался верным. Прогулка через тернии не пропала даром», – подумал Глеб.

Собаки теперь лаяли на всю округу. Этот квадрат местности почему-то охранялся, как ставка Гитлера.

Боровик, идущий в авангарде, широкоплечий, исполнительный, но временами туго соображающий, повалился в траву, а прямо перед ним грозно залаяла овчарка. Она рвалась с поводка, тянула за собой солдата, явно почуяла чужака. Боровик энергично отползал к кромке леса.

Подбежали еще два фрица, всматривались в темноту. Лезть в растительное месиво им как-то не хотелось. Зажегся фонарь, холодный луч забегал по кустам и деревьям.

– Что там, Курт?

– Не знаю, собака взбесилась.

Простучала автоматная очередь, расшвыряла ветки. Разведчики затаились, не подавали признаков жизни. Овчарка успокоилась, стала глухо ворчать. Очевидно, запах чужака смешался с пороховой гарью.

Немцы решили, что все в порядке, ложная тревога.

– Это заяц, Курт, его почуяла твоя псина! Здесь не могут появиться русские, им для этого не хватит ума!

Солдат отгаскивал от леса собаку. Она, продолжая глухо рычать, трусила за своим хозяином. Голоса смолкли.

– Боровик, ты живой? – прошептал Глеб.

– Я-то живой, только рукав мне какой-то гад прострелил. – Боец полз, тяжело отдуваясь, явно впечатленный происшествием. – Чуть не выдал я всех нас, товарищ старший лейтенант, виноват. Знаете, мне тут на ум пришло...

– Куда пришло? – не сдержался Ленька Пастухов.

Кто-то прыснул в темноте.

– Да иди ты!.. – огрызнулся Боровик. – Серьезная охрана, говорю, товарищ старший лейтенант. Впереди большая поляна и цепь солдат. Хорошо, что они на открытом месте стоят, в лес бояться заходить. Эти вояки что-то важное охраняют, у них дорожки протоптаны, курсируют взад-вперед.

– Все назад! – скомандовал Шубин. – Обойдем квадрат, посмотрим, где можно просочиться.

Через сосняк им пришлось передвигаться ползком. Немцы были повсюду, заунывно переключались, не давали себе заснуть. Глинский с Боровиком получили ценные указания и остались в лесу, все прочие погрузились в овраг и двинулись по нему.

Никита Костромин выполз наружу, вернулся через пару минут с горящими глазами и доложил:

– Здесь эти клятые пушки, товарищ старший лейтенант. Дальнобойные, не меньше двух дивизионов.

Коридор, сквозь который выходили наши окруженные войска, составлял в ширину четыреста метров. В худшие дни – двести пятьдесят. Проход был завален телами советских, немецких и даже испанских солдат, добровольцев из «Голубой дивизии». Трупы никто не убирал, передвигаться по этому пространству можно было только ползком.

В последующие полчаса разведчики выяснили главное. Четыре батареи тяжелых орудий были расположены в перелесках за деревней Листвянка, вблизи единственной дороги, по которой можно осуществлять подвоз боеприпасов. Еще две стояли на окраине Приютова. Орудийные стволы торчали в небо каким-то жутковатым частоколом.

В данный момент огонь не велся, но на батареях отмечалась активность. Рычали тяжелые тягачи, сновали люди, офицеры окриками подгоняли подчиненных.

В лесу между батареями находился радиоузел. Под него фрицы облюбовали заброшенное бревенчатое строение.

Охрана с собаками осталась на периметре, но и здесь, в самой клоаке, было неуютно.

Солдаты снимали с грузовиков снаряженные ящики, тащили, отдуваясь, к орудиям. У каждой пушки грудились штабеля боеприпасов. Разгрузка завершилась. «Опели», побитые российскими дорогами, двинулись восвояси.

Офицер объявил перекур, и солдаты потянулись к ложбине, тянувшейся в стороне от батареи. Технику безопасности здесь блюли.

Это было именно то, что требовалось найти! От текущей работы зависело очень многое, главное – жизни людей.

– Товарищ старший лейтенант, это именно они не дают нам прохода, – взволнованно прошептал Пастухов. – Отправим в штаб координаты, пусть накроют квадрат к чертовой матери. Станет легче, пусть всего на день или на два, но наши прорвутся.

Сердце старшего лейтенанта колотилось, как барабан полкового оркестра. Именно с этой точки фашистские захватчики осуществляли обстрел проблемного участка! Координаты известны, зона покрытия – не больше одного квадратного километра.

– Мужики, запоминаем, – тихо проговорил Шубин. – Восемьсот метров пространства между Приютово и Листвянкой, включая сами деревни, где у них пункты управления. В глубину чуть более километра. Артиллеристы сами вычислят координаты, нам сейчас не до этого. Толпой не валить, откатываемся по одному и бережем как зеницу ока нашу рацию.

До кромки леса бойцы добрались без приключений, ныряли в ложбины, ползли по открытым участкам. Но дальше снова все пошло через пень-колоду. Фашисты как-то обнаружили Глинского и Боровика, оставшихся в лесу. До него оставалось метров семьдесят, когда с опушки долетел тревожный крик. Прогремела автоматная очередь, за ней – еще одна.

Жалобно заскулила подстреленная собака. Часовые загалдели как сороки, бросились врассыпную. Затрещали МП-40, им из леса отвечал только один «ППШ»!

Разведчики сдавленно матерились. Неужели все пропало? На опушке происходило что-то страшное. Автоматный огонь уплотнялся, немцам никто не отвечал. Часовых в этой зоне оказалось всего шестеро, но остальные могли подтянуться в любую минуту.

Через пару минут немцы оборвали стрельбу, стали подниматься. Из мрака вырастали согбенные фигуры. Несмело, сгибаясь в три погибели, солдаты двинулись вперед.

По ним ударил «ППШ». Караул рассыпался, кто-то остался лежать.

Ждать у моря погоды было глупо. Скоро вся нечисть сюда слетится!

– Пошли, парни, – процедил Глеб сквозь зубы. – Быстро, но скрытно.

Сначала разведчики ползли, потом поднялись, побежали, стараясь обходиться без шума. Они вылупились из мрака за спинами у фашистов, открыли ураганный огонь. Валились наспигованные пулями тела, выли глотки. Раненых красноармейцы добивали выстрелами в упор. Завадский прикладом сломал шею какому-то живчику. Хрипел, пытаясь приподняться, обергренадер в продырявленной летней шинели.

Шубин выстрелил ему в голову, перешагнул через туловище, бросился в лес, стал метаться между деревьями.

– Боровик, Глинский, вы живы? – выкрикнул он.

– Я жив, товарищ старший лейтенант, – отозвался слабым голосом Глинский, придавленный рацией, и выбрался из-за дерева, опираясь на приклад автомата, как на лыжную палку. – А вот Виталика Боровика, кажется, убили.

Это Шубин уже понял. Он запнулся о неподвижное тело, опустился на колени. Красноармеец Боровик был мертв, кровь залила его грудь.

Подбежал Ленка Пастухов, стал трясти товарища, уговаривал очнуться. Никита Костромин поднимал Глинского. Тот качался, как былинка, но, кажется, не пострадал. В принципе он вел себя молодцом, сумел отразить атаку, находясь под гнетом пятнадцати килограммов железа.

Завадский стащил с него радиостанцию, бегло ее ощупал – целая ли? – взвалил себе на плечи и первым бросился в темноту. Остальные последовали за ним. Шубин пятился последним, вглядываясь в полумрак.

Немцы запрягали недолго. Перестрелка привлекла внимание. Бежали солдаты с противоположной опушки. Истошно лаяли овчарки. Огонь фрицы пока не открывали, не знали, что здесь произошло, боялись попасть в своих. Загорались фонари, освещали арену побоища.

Шубин припал к дереву. Его автомат выплевывал короткие очереди.

В ответ тут же заработали МП-40. Какой-то немец бросил колотушку. Она сработала на безопасной дистанции, окутала лес зловонным дымом. Неслись собаки, спущенные с поводков.

Жар ударил Глебу в голову, у него возникло ощущение, что он остался один. Старший лейтенант попятился к соседнему дереву, оступился.

Собака уже была рядом, глухо рычала, горели воспаленные глаза. Она прыгнула одновременно с автоматной очередью, ударившей откуда-то сбоку. Шубин повалился, пропорол суком мягкое место. Рядом грохнулась лохматая туша, вздрогнула пару раз и затихла.

– Бегите, товарищ старший лейтенант! – выкрикнул из-за дерева Костромин.

Глеб помчался, перепрыгивая через валежник, повис на упругих ветвях, не пожелавших его пропустить, прополз под ними, покатился под горку. Дальше был обрыв, слава богу, невысокий и сравнительно покатый. Разведчики съезжали с него, как с детской горки, разрывая штаны и крича от боли.

Глинский скатился последним и бросил через голову гранату, помечая пройденный путь. Она рванула на обрыве, обрушила пласт глинозема. Вместе с ним свалился немецкий солдат,

пораженный осколками, жалобно выл, ворочался под слоем земли. Разведчики на нем внимание не заостряли, спешили уйти подальше.

С Шубиным остались четверо, все они были здесь, больше никто не пострадал. Завадский тащил радиостанцию где-то в авангарде, грязно выражался, увязая в сыром мху. Шубин снова отступал последним, плюхнулся в груды сырых ветвей.

– Сюда, товарищ старший лейтенант, – прохрипел Никита, выламывая корявые ветви. – Здесь дорожка.

– Да подожди ты, – огрызнулся Глеб.

Двое фрицев с шумом сверзились с обрыва, барахтались в прелой листве. Полетела, кувыркаясь, граната. Одному не повезло, замешкался, и осколок перебил ему позвоночник. Его товарищ чуть не выпрыгнул из штанов, спасаясь бегством. Он кувыркнулся через косогор, и все осколки промчались верхом. Остальные фашисты не рискнули спускаться, затаились наверху.

Глеб сменил магазин, поливал огнем кромку обрыва. Никита Костромин далеко не ушел, присоединился к командиру. Наверху кричали немцы. Кто-то из них призывал пуститься в обход.

– Довольно, товарищ старший лейтенант, уходить надо! – проорал в ухо командиру оглохший от пальбы Никита. – Пусть катятся ко всем чертям. Иначе мы увязнем в этой перестрелке.

Боец был прав.

Они бросились в гущу кустарника, пробились наружу. Мелькали деревья, за спиной истерили солдаты вермахта. Это был впечатляющий марш-бросок. Тяжесть рации уже не имела значения. Ноги уносили бойцов прочь.

За спинами у них разразилась суматошная стрельба, потом утихла. Очевидно, немцы тоже полезли в чащу.

«Им нужно нас догнать! – билась мысль в голове Глеба. – Они сделают все возможное, привлекут все силы в округе! Догадываются, кто мы такие и чем чреват этот инцидент!»

Бойцы по одному вываливались из леса, бежали к ручью, змеящемуся по открытому пространству, топали по воде, потом лезли на каменистый склон. Это хоть отчасти могло запутать собак. Потом они месили песок в окрестностях ручья, вились кругами вокруг деревьев.

Завадский передал рацию Пастухову. Тот взвалил ее на горб, скорбно поджал губы и потащил в гущу кустов.

Погоня отстала, лай собак сделался глуше. Немцы уже не решались спускать их с поводка.

Проселочная дорога, поросшая чертополохом, подвернулась очень кстати. Разведчики перешли на ускоренный шаг, потом опять побежали.

На четвертом километре силы у всех иссякли, и Шубин объявил привал. Погоня сбилась со следа, отстала. Группа залегла в осиннике вблизи опушки. Отсюда пройденный путь отчасти просматривался, погоню можно было засечь заранее.

Глинский лихорадочно разворачивал рацию. Его онемевшие руки тряслись. Антенну он закинул на ветку. В эфир устремились позывные группы, сведения об артиллерийских дивизионах, привязки к местности.

– Ну, давайте же, товарищи, просыпайтесь, – пробормотал Глинский, дожидаясь ответа.

Тот последовал через считанные минуты. Штаб полка отозвался, лейтенант Самохин круглосуточно находился на связи.

«Подтвердите еще раз», – последовал запрос.

Глинский сделал это.

«Вас поняли, возвращайтесь немедленно», – передал Самохин.

– Нет! – взмолился Ленька Пастухов. – Товарищ старший лейтенант, дайте нам еще пять минут простого человеческого отдыха, больше не просим.

– Даю десять минут, – расщедрился Шубин. – Но потом побежите как зайцы, если жить хотите. Не забывайте вести наблюдение.

Люди расслабились, молитвенно смотрели в небо, которое и не думало светлеть. Молодые организмы восстанавливались быстро. Через пару минут все уже сидели, обменивались традиционными любезностями, доставали курево.

– Эх, у Витальки Боровика знатная махорка была, – как-то сконфуженно пробормотал Глинский. – Надо было забрать. Зачем она ему? Лежит он теперь где-то на опушке, еще не остыл, и махорка с ним. Эх, Виталька, подставился по-глупому, хотя тревогу-то поднял.

Бойцы пару минут молчали, вспоминали павшего товарища. Смерть могла достать их в любую минуту, с какой угодно стороны. Спор о том, что лучше – знать, что ты сейчас преста-вишься, или умереть в неведении, – давно стал общим местом. Мнения разделялись, но все сходились в одном. Лучше еще пожить.

Тема смерти беспокоила многих. Что там, за гранью? Полная тьма, глушь или есть что-то?

Шубин поймал себя на мысли о том, что сейчас с ним именно те бойцы, с которыми он два месяца назад вытаскивал из окружения остатки Тридцать третьей армии, все четверо: Завадский, Костромин, Пастухов, Глинский. Только они и остались из прежнего состава взвода. Люди, которыми командовал Глеб, менялись, как картинки в калейдоскопе. В памяти у него оставались только лица, молодые и не очень, грустные, веселые, серьезные. Послужить бойцы не успевали, гибли почем зря. Одни после первого задания, другие позже, третьи получали жуткие увечья, лишались конечностей. В госпиталях после этого выживали только счастливи-чики, но что их ждало? Не жизнь, а растительное существование.

Настя Томилина при выходе из окружения получила тяжелое проникающее ранение. Хирурги спасли ей жизнь, провели экстренную операцию. Сейчас девушка лежала в госпитале, расположенном в подмосковном Копылове, медленно шла на поправку. Письма от нее дохо-дили через раз, и в каждом сквозила тоска. Она не могла найти себе места, хотела быть рядом с ним, каждую ночь просыпалась в жутком страхе, ей казалось, что ее любимого убили.

Пули по-прежнему не брали Глеба. Мины и снаряды взрывались в стороне, а если и близко, то осколки щадили его. В рукопашных схватках ему попадались исключительно неук-люжие и нерасторопные фашисты. В бессмертие Шубин не верил и только удивлялся своему везению.

За операцию по спасению Тридцать третьей армии он получил орден Красного Знамени, а также очередное звание – старший лейтенант. Фактически же ничего не изменилось. Глеб продолжал командовать взводом полковой пешей разведки.

Остатки армии были выведены в тыл. Он получил две недели на отдых, а затем – новое назначение, попал в Пятьдесят девятую армию Волховского фронта, ставшего Ленинградским, а затем опять Волховским. Командовал ею Коровников Иван Терентьевич, с апреля сорок второго года – генерал-лейтенант. Новое место службы – Триста семьдесят восьмая дивизия, Тысяча двести пятьдесят восьмой стрелковый полк подполковника Кашина.

Мясорубка на Волховском фронте была не слабее, чем под Вязьмой и Ржевом. Ошибоч-ный приказ Ставки после победоносной операции под Москвой – наступать по всем фронтам – привел к удручающим провалам и бесчисленным жертвам. Ставка ставила жесткую задачу: снять блокаду с Ленинграда уже к весне сорок второго. С этой целью и был сформирован Вол-ховский фронт.

Наступление началось в первых числах января. Удачной оказалась операция под Тихви-ном, где были наголову разгромлены несколько немецких дивизий.

А вот наступление на Любань с целью оттеснить захватчиков от Ленинграда не удалось. Войска Пятьдесят девятой армии не успели развернуться. Во Второй Ударной армии, действу-

ющей слева, положение сложилось не лучше. Отсутствовала армейская артиллерия, не рассредоточилась авиация. Войска еще только разгружались на станциях, многие не прибыли. Дефицит был во всем: в оружии, боеприпасах, средствах связи, горючем, продовольствии. Но приказ оставался прежним. Наступать, несмотря ни на что!

Поначалу боевые действия протекали неплохо, даже несмотря на потери. Лед Волхова устлал телами погибших солдат. Дивизии захватили небольшие плацдармы на реке, спешно закреплялись на них. Но потом наступление захлебнулось, не подошла артиллерия. Армии безуспешно атаковали позиции противника, тот отбрасывал их назад. Войска топтались на месте, гибли под непрерывным огнем.

Только в феврале Второй Ударной армии удалось нарастить силы и добиться успехов. Войска с трудом передвигались по полям и болотам, с титаническими усилиями отбивали каждую деревню. Соединения Второй Ударной шли вперед, оставив позади себя остальные армии – Четвертую, Пятьдесят вторую, Пятьдесят третью. Ставка требовала от командования к марту взять Любань. Войска упорно прорывали оборону немцев.

Наступление Второй Ударной армии захлебнулось в начале марта, на подступах к Любани. Продвинуться дальше не удалось. Образовался так называемый Любанский выступ с узкой горловиной в районе Мясного Бора. Внутри котла находилась вся армия, там же оказалась часть Пятьдесят девятой.

Выступ глубоко вдавался в оборону Восьмой немецкой армии и рассматривался советским командованием как удобный плацдарм для снятия блокады Ленинграда. Никто еще не догадывался, что положение примет катастрофический оборот. Площадь выступа была небольшой, сто двадцать пять квадратных километров. Никаких дорог, тем более железных, местность сложная, лесисто-болотистая. Но снег и лед еще не растаяли, и все это казалось не страшным. Согреться советские воины уже научились.

Однако пятнадцатого марта немецкие войска перешли в наступление и перекрыли перешеек у Мясного Бора. Вторая Ударная армия оказалась в окружении. Двигаться вперед она не могла, отступать тоже. Попытки расширить перешеек не принесли успеха. Немцы лихорадочно укрепляли позиции, прокладывали узкоколейки для снабжения войск. Именно здесь, вдали от Ленинграда, решалась судьба города.

В апреле, к моменту прибытия Шубина на Волховский фронт, Пятьдесят девятая армия выполняла иные задачи. Наступление встало. Поначалу соединение Коровникова прикрывало горловину прорыва Второй Ударной армии, потом восстанавливало коммуникации окруженных частей, удерживало коридор для выхода войск из окружения.

Командующий Второй Ударной армией генерал Клыков был снят за невыполнение задачи. Вместо него окруженные войска возглавил генерал Власов, заместитель командующего Волховским фронтом.

Однако легче от этого не стало. У Власова была отличная репутация, завидный послужной список, но положение армии не улучшилось и под его началом.

Командование фронтом тоже протянуло резину. Отвод Второй Ударной начался с опозданием, когда войска в Любанском мешке были доведены до крайности. Части выходили через перешеек у Мясного Бора, сначала спокойно, невзирая на обстрелы и действия вражеской авиации. Были эвакуированы кавалерийский корпус, две стрелковые бригады и гвардейская танковая.

Снег растаял, началась распутица. Сложности не заставили себя ждать. Операция по спасению армии Власова была организована из рук вон плохо.

Для немцев планы советского командования секретом не являлись. Они действовали логично, стремились не дать окруженцам выйти из котла, перерезать перешеек, а затем расчленивать и уничтожить наши войска внутри выступа. Противник нанес несколько ударов в районе

перешейка, атаковал деморализованные части Второй Ударной армии, оттеснил их в глубину выступа.

Вражеская авиация сровняла с землей командный пункт Власова. Управление войсками внутри мешка было полностью нарушено и уже никогда не восстановилось.

Сил для обороны перешейка не хватало. Две дивизии, державшие горловину, погибли почти полностью. К концу мая фашисты перекрыли проход.

Ошибки советского командования были грубейшими. Ничто не мешало защитить перешеек, хотя бы частями, выведенными из котла. Но они отправлялись в тыл. В окружении оказались несколько стрелковых дивизий и бригад, около сорока тысяч штыков. У них имелись орудия, минометы, противотанковые ружья, а вот боеприпасов почти не было. Люди голодали, в лучшем случае получали в день пятьдесят граммов сухарей. Войскам сбрасывали с самолетов патроны, гранаты, немного продовольствия, но это была капля в море.

Попытки прорвать кольцо продолжались до конца июня. Пятьдесят девятая армия действовала вне котла, штурмовала позиции противника у перешейка. Наспех подготовленные атаки следовали одна за другой.

Немцы держались, сосредоточили в районе крупные силы и артиллерию. Вражеская авиация господствовала в воздухе. Все удары противник отбивал, советские войска несли тяжелые потери. Летели головы провинившихся военачальников. Был снят с поста командующий Ленинградским фронтом Хозин за невыполнение приказа об отводе войск Второй Ударной армии. Ставка восстановила Волховский фронт, которым теперь командовал Мерецков.

Десятого июня несколько дивизий и полков вновь устремились на штурм, и немецкие войска опять отразили нападение. В котле остались больше двадцати тысяч бойцов, орудия, танки, минометы и тысячи местных жителей, покинувших свои дома.

Сражение шло с невиданным ожесточением. На подмогу Пятьдесят девятой армии прибыли танковая бригада и кавалерийская дивизия, воюющая в пешем строю. Девятнадцатого июня танкисты пробились на восточный берег реки Полисть, соединились с частями Сорок шестой стрелковой дивизии Второй Ударной армии. Теперь обе армии действовали совместно.

Через день коридор расширился до четырехсот метров. Под проливным огнем были эвакуированы две тысячи раненых красноармейцев. Но Мерецков повторил ошибку своего предшественника. Фланги коридора остались без усиления. Немцы снова перешли в наступление и заткнули горлышко котла.

Перешеек у Мясного Бора представлял собой тягостное зрелище. Деревня с лихвой оправдала свое название. Осенью сорок первого здесь понесла тяжелые потери испанская «Голубая дивизия». Сейчас весь этот коридор был усеян телами советских и немецких солдат. Трупы гнили под палящим солнцем, их невозможно было убрать. Удушливая вонь растянулась на километры. Живые шли по мертвым, вдавливали их в грязь. Части Второй Ударной армии, сдерживавшие натиск врага на западной стороне котла, отошли к Мясному Бору. Район, занимаемый армией Власова, сократился до крошечных размеров, простреливался артиллерией насквозь.

Медлить в таких условиях было нельзя. Советское командование не знало, откуда работала артиллерия противника, могло лишь предположить примерный район. Орудий у немцев было много, судя по кучности попаданий, они стояли плотно и уже пристрелялись по узкому перешейку. Практически каждый снаряд попадал в цель.

Командование не оставило попыток пробить брешь. В котле оставались двадцать тысяч бойцов, весь штаб генерала Власова, включая самого командарма. Андрею Андреевичу несколько раз предлагали вернуться на Большую землю, присылали самолет, но он отказывался, мотивировал это тем, что не может оставить своих людей. Требовался еще один решительный прорыв.

Тут-то командир Триста семьдесят восьмой стрелковой дивизии генерал-майор Лиленков и вспомнил про старшего лейтенанта Шубина.

Глава 2

Наши артиллеристы начали обстрел квадрата между деревнями Приютово и Листвянка, когда пятеро разведчиков скатились с пригорка и побежали по тропке через минное поле. Они были встречены как родные и доставлены в штаб Тысяча двести пятьдесят восьмого полка.

Заместитель начальника штаба по разведке капитан Соломин критически оглядел поредшую команду, ухмыльнулся в жесткие усы, снисходительно махнул рукой и заявил:

– Спать, Шубин. Мы без вас закончим. Вы свое дело сделали, молодцы.

Наша тяжелая армейская артиллерия вела огонь минут пятнадцать. За это время в районе расположения немецких дивизионов камня на камне не осталось. Все они были уничтожены.

Удар по окрестностям перешейка был нанесен в тот же час. Снаружи действовали Пятьдесят вторая и Пятьдесят девятая армии, внутри – то, что осталось от Второй Ударной. Осажденные войска шли в прорыв через реку Полисть. Две дивизии остались прикрывать атакующих. Остатки еще двух и пять стрелковых бригад пошли на штурм Мясного Бора. Артиллерийская подготовка не проводилась ввиду отсутствия снарядов. Голодные, изможденные красноармейцы атаковали вражеские позиции в лоб, смяли заслоны, устремились в прорыв.

Операция была спланирована на коленке, экспромтом, но противник все равно разгадал планы Власова. Благодаря действиям разведчиков артиллерия у немцев в этот час отсутствовала, иначе никто не вырвался бы. Но работали их минометные батареи, укрытые в окрестных лесах, строчили пулеметы.

Выйти из окружения удалось лишь небольшой части войск. Несколько сотен полегли в землю, примерно тысяча прорвалась.

Немцы установили пулеметы на флангах горловины, подтащили небольшие полевые орудия и минометы. Разрыв они заделали за полчаса, на сей раз окончательно и бесповоротно.

Теперь пространство до западного леса простреливалось насквозь. Встать в полный рост было невозможно. Это понимали даже политруки, плюющие на свои и солдатские жизни. Повторной попытки прорыва в этот день не наблюдалось.

Внутри котла остались около двадцати тысяч красноармейцев, мирные граждане, штаб генерал-лейтенанта Власова и он сам.

На этом операцию Волховского фронта можно было завершать. Часть войск Второй Ударной армии вышла из окружения, половина полегла, остальные сидели в болотах за Мясным Бором. Снять блокаду Ленинграда не удалось, армия погибла, прочие советские части и соединения беспомощно топтались на западном берегу Волхова.

Все последующие дни Шубин ходил подавленным, кривился на окружающих.

– Не расстраивайтесь, товарищ старший лейтенант, – успокаивал его Ленька Пастухов. – Мы свое дело сделали, с пользой провели время. Тысяча прорвалась, это уже хорошо. А во всем прочем разве наша вина?

В глазах разведчика свозила зеленая тоска. Ленька улыбался, шутил, старался вести себя как обычно, но эта тоска не проходила. Иногда он уходил в себя, на глаза его наворачивались слезы. В такие минуты парня никто не трогал, не подшучивал над ним.

По странному стечению обстоятельств, санинструктор Варя, которую он за руку вывел из вяземских лесов, оказалась в той же дивизии и в том же полку. Она служила в местной санчасти, и в какой-то момент эти двое поняли, что созданы друг для друга. Их постоянно видели вместе. Каждую свободную минуту парень мчался к своей Варюше, помогал ей в лазарете, всячески облегчал тяжелую женскую долю. Хвастался, мол, вот настанет время, и мы обязательно поженимся.

Варя погибла месяц назад, когда шальной снаряд залетел в медсанчасть. Взрывом разнесло пристройку к зданию, где она перебирала свои склянки и пипетки.

Ленька почернел от горя, обливался горькими слезами. Он замкнулся, ни с кем не разговаривал, долго приходил в себя.

В последующие дни обстановка на фронтах оставляла желать лучшего. Неприятные события разворачивались под Харьковом, советские войска пятились в Крыму. Волховский фронт больше не продвинулся ни на метр. Шли локальные бои, но статус-кво неизменно восстанавливался. Немцы грамотно перегруппировали силы, подтянули резервы. В блокадном Ленинграде по-прежнему умирали люди от голода и обстрелов. Никто не знал, что происходило внутри Любанского котла. Никаких сведений оттуда не поступало, связь с командованием Второй Ударной была утрачена.

Потрепанные части Пятьдесят девятой армии дважды бросались в атаку с целью пробиться к окруженцам и всякий раз откатывались обратно, неся большие потери. Горлышко немцы закупили на совесть.

Шубин лично наблюдал, как были расстреляны симулянты, уклонившиеся от участия в атаке. Парни притворились контужеными. Неподалеку взорвалась мина, и они воспользовались ситуацией. У них заплетались ноги, блуждали глаза. Когда к ним подбежали санинструкторы, эти герои стали жаловаться на головную боль, полную дезориентацию.

Их отвели в лазарет, осмотрели. На что рассчитывали эти умники? Подобную симуляцию военврачи выучили наизусть, даже медсестры ставили правильный диагноз.

Особый отдел не замедлил вмешаться. В госпиталь прибыл суровый лейтенант в сопровождении двух солдат. Они тут же погнали симулянтов к ближайшему оврагу. Те поняли, что натворили, смертельно побледнели, стали каяться, оправдываться, кричали, что в следующую атаку побегут впереди всех, что их бес попутал, они не трусы!

Смотреть на это было неприятно. Солдаты отворачивались, многие лично знали этих ребят.

Особист был неумолим, зачитал приговор, тут же состряпанный им самим, поднял руку. Красноармейцы вскинули винтовки. Приговоренные умоляли до последнего, божились, что никогда больше себе такого не позволят. За мгновение до смерти один из них стал бешено креститься, забормотал молитву. Залп повалил обоих в овраг.

Подобные экзекуции проводились регулярно, но улучшить ситуацию не могли. На фронте воцарилось хрупкое затишье. В мешке регулярно что-то взрывалось, вспыхивали пожары. Видимо, там догорали последние деревушки. Вразумительных приказов из Ставки не поступало, как и резервов. Дни и ночи тянулись в дремучей тоске.

Взвод полковой пешей разведки состоял из девятнадцати человек. Было двадцать восемь. Шестеро погибли, трое с тяжелыми увечьями отправились в лазарет. Бойцов Глеб подбирал лично, руководствовался интуицией, которая его, как правило, не подводила.

Работы в последующие недели почти не было. Дивизия вела позиционную войну. В строю от начального состава осталось сорок процентов. Пополнения не шли, продукты и боеприпасы подвозились редко.

Задания оригинальностью не отличались. Несколько раз в ночное время разведчики подбились к переднему краю, слушали разговоры немцев, определяли их огневые точки.

Подобные вылазки они терпеть не могли. Дорога неизменно шла через «долину смерти». Так бойцы прозвали открытый участок, где недавно прорывались части Второй Ударной армии. Иного пути просто не было, вся прочая местность плотно прикрывалась немцами. В темное время они запускали в небо осветительные ракеты.

Смердело человеческое месиво. Черви кишели в разлагающихся останках. На отдельных участках тела лежали в несколько слоев. Поле простреливалось насквозь. Разведчикам приходилось ползти до ближайшего перелеска по распухшим трупам. Они испускали тошнотворный запах разложения. Этот смрад неподвижно висел над полем, его не убивали ни ветер, ни время.

Иногда тут взрывались снаряды. Немцы стреляли для профилактики. Разведчикам приходилось прятаться под трупы, захлебываться рвотой. Почва вздрагивала от разрывов, мертвые тела приходили в движение, держали в своих объятиях.

После таких прогулок бойцы отмывались с особой тщательностью. Но вода не спасала. Наступил июль, самое жаркое время года. Тяжелый дух витал по всему району.

Утром седьмого июля в расположение взвода прибыл нарочный. Старшему лейтенанту Шубину предписывалось явиться к командиру полка.

В командирской землянке помимо подполковника Кашина и заместителя начальника штаба по разведке Соломина находился какой-то полковник с редкими волосами и сравнительно интеллигентным лицом.

Глеб вытянулся, насколько позволял низкий потолок.

– Товарищ подполковник, старший лейтенант Шубин по вашему приказанию...

– По моему приказанию ты прибыл, Шубин, – сказал незнакомый субъект, прищурился, смерил разведчика пристальным взглядом, подошел к нему и протянул руку. – Полковник Куприн, управление разведки Пятьдесят девятой армии. Присаживайся, старший лейтенант, разговор у нас будет обстоятельный.

Рукопожатие у полковника было средней тяжести, но особо изнеженным он не выглядел.

Глеб присел на табурет.

– Примерно таким я тебя и представлял, – сказал Куприн. – Наслышан, как с твоей помощью был уничтожен вражеский арtpолк, что позволило вывести из окружения часть людей. И не только об этом, Шубин. Про историю с Тридцать третьей армией тоже помню, так что соответствующий опыт имеешь. Ты многих наших тогда вывел. Ничего, что я к тебе на «ты»? Ладно, вопрос риторический, не отвечай. – Губы полковника дрогнули в вялой усмешке. – Мы хотим поручить тебе серьезное задание, думаем, что справишься. Смотри на карту, старший лейтенант.

Палец полковника заскользил по обмусоленной полевой карте. Масштаб у данного полиграфического изделия был крупный, центральное место занимал Любанский выступ, обведенный жирным карандашом. В землянке горели свечи, распространяя сладковатый запах воска.

Шубин всмотрелся в карту. Данные о котле, представленные на ней, явно устарели. Немцы сдавили кольцо. Что там творилось сейчас, только богу было ведомо.

– Колечко заметно сузилось. – Куприн словно прочитал его мысли. – Ты уже понял, старлей, что перед нами. Это район, куда нам практически невозможно попасть. Территория порядка сотни квадратных километров. Грубо говоря, квадрат со стороной в десять верст. Но правильной фигурой, как видишь, тут не пахнет, конфигурация извилистая и размытая. Клякса, одним словом. Что там сейчас происходит, мы не знаем, можем только догадываться. Немцы в болота не лезут, но пешие тропы ими наверняка истоптаны. Район уже две недели под их контролем. В деревнях сменилась власть, там орудуют полицаи из числа уголовников и прочих антисоветских элементов. В кольце осталось около двадцати тысяч наших солдат. Сейчас, видимо, меньше. Одни в плен попали, другие погибли. Не удивлюсь, если узнаю, что немцы регулярно устраивают облавы. В окружении остался штаб генерал-лейтенанта Власова Андрея Андреевича. Где он теперь находится, нам неизвестно. В штабе многие погибли, пропали без вести, но мы знаем, что перед последним прорывом он работал, пусть и в урезанном виде. Были живы начальник штаба полковник Виноградов, заместитель командарма генерал-майор

Алферьев, начальник связи армии генерал-майор Афанасьев, а также многие другие. Действовали комдивы и комбриги. Впоследствии все смешалось, сам знаешь.

– Разрешите вопрос, товарищ полковник. – Шубин уже догадывался, к чему клонил Куприн. – Мы две недели не имеем сведений о событиях, происходящих в котле. Трудно об этом говорить, за это время генерал-лейтенант Власов мог погибнуть, покончить с собой, попасть в плен.

– Осторожнее, старлей! – проворчал комполка Кашин.

– Нет, все в порядке, Иван Матвеевич, – отмахнулся Куприн. – Шубин прав, могло случиться всякое. К тому же он имеет фундаментальные знания о том, что происходит в подобных котлах. – Куприн криво усмехнулся. – Все это могло иметь место, но маловероятно. О захвате штаба армии мы узнали бы по своим каналам. Внешняя разведка у нас работает, и, надо признаться, весьма неплохо. То же касается товарища Власова. В случае его уничтожения или пленения немцы непременно раструбили бы об этом. Им нет смысла утаивать эти сведения. Напротив, прекрасный пропагандистский ход. Но пока тихо. Та же история и со штабом. Немцы сообщили бы о любом захваченном генерале. Но тоже молчок. Они твердят об уничтожении Второй Ударной армии, что в принципе недалеко от истины, о том, что положение русских почти катастрофическое, о том, что советские солдаты и офицеры тысячами сдаются в плен. Обычная пропагандистская шелуха. Есть серьезные основания предполагать, что генерал Власов жив и не в плену. Тебе, товарищ Шубин, поручается сформировать группу, отправиться внутрь котла, найти генерала Власова и вывести его в наше расположение. Если удастся, прихватить и остальных штабных работников. Это очень ответственное поручение. Справишься? Я должен тебе рассказывать, кто такой генерал Власов, как относится к нему товарищ Сталин, что произойдет, если немцы возьмут его в плен и предъявят всему миру?

В горле у Шубина пересохло.

Андрей Андреевич Власов был едва ли не символом РККА. Харизматичный советский генерал, человек волевой, решительный, мастер по принятию правильных решений. На то, что он угодил в капкан, была воля божья. Генерал выполнял приказы. Не его вина в том, что в большинстве своем они были не продуманы и вредны. Власов оказался заложником обстоятельств. В котле он делал все возможное, чтобы спасти армию, не бросил своих подчиненных, когда ему представилась такая возможность.

Власов воевал под Львовом, возглавлял механизированный корпус, потом был назначен командующим Тридцать седьмой армией, защищающей Киев. Он получил ранение, но вывел костяк своего соединения из окружения. В ноябре сорок первого Сталин вызвал его к себе и поручил ему сформировать Двадцатую армию. Именно она под Красной Поляной через месяц остановила продвижение танковой армады, а потом погнала врага прочь, освободила Волоколамск, Солнечногорск.

Именно он, если вдуматься, спас Москву. Ведь фашисты из Красной Поляны наблюдали в бинокли за центром столицы. Им оставалось сделать лишь маленький рывок, и они оказались бы на улицах города!

За эти бои Власов получил орден Красного Знамени, стал любимчиком Верховного. Его портреты не сходили с первых полос центральных газет. Сам Жуков оценивал Власова весьма положительно, хвалил за грамотность, хорошие организационные навыки. О генерале Власове была написана книга «Сталинский полководец». Он мог давать интервью зарубежным корреспондентам.

– Нет, товарищ полковник, не надо мне объяснять, кто такой генерал-лейтенант Власов. Сделаю все возможное, чтобы выполнить задание. Но у меня есть ряд технических вопросов.

– Еще бы у тебя их не было, – сказал полковник и сухо усмехнулся. – Много людей не бери, сам прикинь нужное количество. Рация тоже не нужна. Ты либо выведешь генерала, либо нет. Вот деревня Утиный Брод. – Объект, помеченный Куприным, находился в северо-

западной части территории, обведенной карандашом. – Два десятка дворов, нет ни улиц, ни номеров домов. Живут ли там люди, мы не знаем. Вблизи опушки невзрачная изба средних размеров, светлые наличники. Рядом плетень, за ним силосная башня. С другими строениями не спутаешь. Сурков Михаил Евграфович – связной от партизан. Если что-то с ним случится, то есть домашние, они в курсе. В районах севернее котла, вот у этих озер, в долине реки Оденеж действуют партизаны. Отряд недавно сформирован, небольшой, но ребята боевые. Командир – товарищ Антонов, бывший секретарь сельской парторганизации. У него есть рация, мы поддерживаем связь. Партизаны имеют возможность небольшими группами проникать внутрь котла. Они будут ждать вас в доме товарища Суркова, проведут в нужный район. Доверить им работу по поиску генерала мы не можем. Сам понимаешь, тут должны действовать специалисты. Иначе можно все испортить. Но в качестве вспомогательной силы они пригодны. Товарищ Антонов пообещал, что в Утином Броде будут постоянно дежурить его люди, человека три-четыре. Пароль: «Как пройти в Немоляевку?» Отзыв: «Она вообще в другом районе». Подожди с вопросами, старлей, слушай дальше. Последняя радиограмма, полученная из штаба Власова два дня назад, была отправлена из района деревни Негожино. Будем надеяться, что товарищ Власов еще там, если не в самой деревне, то в окрестных лесах. Нет свидетельств, что генерал пленен или убит. Населенный пункт крохотный, на картах не обозначен. Это примерно здесь. – Полковник обвел ладонью юго-западный край котла. – Встретитесь с партизанами, они вас проведут в данный квадрат.

– Сами не дойдем, товарищ полковник? Сложное промежуточное звено – эти партизаны.

– Согласен, – сказал Куприн. – Но ты там не был и не знаешь, с чем столкнешься. Гиблое место, сплошные болота, да еще и немцы повсюду. Расстояния внутри котла совсем не те, что снаружи. Ты можешь неделями плутать, а все без толку. Партизаны местность знают, выведут за несколько часов. Так что карта вам не нужна. Ваша задача – быстрее добраться до Утиног Брода. Сделать это не так уж и сложно. С провиантом тоже не старайся, партизаны накормят. Обратная дорога на ваш выбор. Это будет зависеть от обстановки. Можете вернуться тем же путем, которым прибыли. Но это сложно, нам придется опять водить немцев за нос. Можете выходить с партизанами через Оденеж. Это северное направление. Прибудете на их базу, пришлем самолет. Теперь о том, как вы попадете внутрь котла. Это вот здесь произойдет, – полковник ткнул пальцем в карту. – Севернее позиций вашего полка. Подполковник Злобин уже в курсе, рассматривает варианты. Дадим представление. Без потерь, по-видимому, не обойтись.

Глава 3

Спектакль в зоне действия соседнего полка начался с огня «сорокапятков». Батарея, выведенная на прямую наводку, гавкнула пару раз, и артиллеристы стали спешно оттягивать орудия обратно в лес. Разведывательный взвод, усиленный двумя стрелковыми отделениями, учинил оглушительную пальбу. Бойцы тихой сапой подобрались к вражеским позициям и осыпали их свинцом. Укрытый в поле хватало, подразделения рассредоточились. Включились ручные пулеметы Дегтярева.

Немцы быстро пришли в себя от такой наглости, открыли ответный огонь. В ночное небо взмыли осветительные ракеты. Озарилось поле, усеянное воронками, вырванными кустами и сгоревшей техникой.

Красноармейцы дальше не пошли, залегли в воронки.

Из леса на советской стороне ударила минометная батарея. Мины рвались с оглушительным треском, вражеские позиции заволочло дымом.

Немцы палили наобум, злобно перекликались. У них создалось впечатление, что советские войска готовятся к штурму. Рации у фрицев раскалились. Они спешно оттягивали с юга несколько взводов. Солдаты бежали по ходам сообщений, гремя амуницией, кляли проклятых русских, которым вечно не спится! Напор огня усилился, снова заговорила минометная батарея.

Несколько человек просочились через заброшенные позиции, проползли небольшое открытое пространство и растворились в глухом ельнике. Свистопляска на севере стала стихать, но небо там по-прежнему озарялось вспышками. Разведчики по одному выбирались из оврага, бежали, пригнувшись, под защиту деревьев. Прошлогодня листва шуршала под их ногами, сиплое дыхание рвалось наружу.

Шубин пересчитывал своих подчиненных по головам. Подбежали Глинский и Никита Костромин, сели рядом на корточки, вытянули шеи. Привалился к дереву лысоватый и жилистый Валентин Ситников из далекого Забайкалья, вечно бледный, с какими-то водянистыми глазами. Язвительный, довольно угрюмый мужик с Тамбовщины Клим Шемякин, невысокий и коренастый, ворвался в лес, отбежал метров на десять и где-то там затих.

Представление, заказанное полковником Куприным, сработало. Немцы, напуганные грохотом, сконцентрировали внимание на месте демонстрации прорыва. Группе хватило несколько минут, чтобы просочиться сквозь их порядки на самом тонком участке. С советской стороны уже никто не стрелял. Но вел прицельный огонь немецкий пулеметчик, выискивал легкие мишени среди отступающих красноармейцев.

Перебежал Ленка Пастухов.

Завадский пристроился рядом с командиром, стащил капюшон с вспотевшей головы, отдышался и проговорил:

– Пробились, товарищ старший лейтенант. Вот только много ребят фрицы положили. Представляете, они жизни отдали лишь за то, чтобы мы без копоты и пыли к немцам просочились.

Остальные удрученно молчали. Солдатская жизнь на этой войне ничего не стоила. Восток Ленинградской области был обильно полит солдатской кровью. Потери роли не играли. Страна большая, бабы еще нарожают. Имела значение лишь территория, отбитая у врага. Мысль о том, что каждая жизнь является наивысшей ценностью, головы наших военачальников не посещала.

Прыжками неся красноармеец Бердыш, парень с Южного Урала, мастер по бегу на длинные дистанции. Именно это обстоятельство и заставило Шубина взять его к себе.

Сон у Максима Бердыша был крепкий и здоровый. Три недели назад командир полка послал его с переднего края в штаб с важной бумагой. Дистанция была впечатляющей. На

каком-то этапе трассы Максим решил передохнуть, пристроился под деревом. Сон свалился на него как снег на голову. Он проспал все на свете!

Когда разведчик, потрясенный, весь исполненный покаяния, нарисовался в штабе, эти важные бумаги уже никого не интересовали. Ничего ужасного не произошло, ситуация не вылилась в катастрофу. Но Бердыш был арестован. В подобных случаях особый отдел не рас-сусоливал.

Дабы другим неповадно было, парень получил высшую меру. Однако встать к стенке он не успел. Анекдотическая ситуация не превратилась в трагическую. Шубин оказался рядом, вытащил парня.

Особист был не вредным, просто действовал согласно инструкциям, да еще и кое-чем был обязан Шубину.

– Ладно, забирай этого скорохода, – заявил он. – Будем считать, что штаб полка взял его на поруки. Но будь осторожен, парень спит так, что пушкой не разбудишь. А я, извини, должен сообщить по инстанции.

Сообщить особист не успел, погиб от взрыва мины через час.

Незадачливый гонец был уже в расположении разведвзвода, где товарищи встретили его дружным гоготом.

Последним подтянулся Юрий Малинович, тоже молодой, родом из Белоруссии, но жил в Подмосковье. Перед войной он провалил экзамен в Подольское пехотное училище, но с мыслью построить военную карьеру не расстался. Парень был физически развит, быстр, хотя и несколько угловат.

– Все, товарищ лейтенант, расчет закончен, – сказал он, упав в траву. – Надо грести отсюда, в овраге уже немцы шевелятся. Кажется, они сообразили, что эта пальба была не просто потехой.

– Все за мной! – скомандовал Шубин. – Держимся кучно, остановка только по приказу. Чем дальше в лес, тем меньше немцев. Это правило пока работало.

Разведчики перебирались через завалы бурелома, вертели головами, как сычи. Где-то в стороне надрывно, на какой-то истеричной ноте работал дизельный генератор. Гул человеческих голосов превращался в монотонный фон. Лес оборвался. Вместе с ним исчезли и посторонние звуки. Впереди простиралось поле, перемежаемое перелесками. Луна озаряла местность дряблым желтоватым светом.

– А тут точно нет мин? – с опаской спросил Малинович.

– С чего бы? – сказал Завадский. – Мы находимся в тылу врага. Разве что старая попадется.

– И ногу оторвет, – добавил Пастухов. – Может, обойдем, товарищ старший лейтенант? Береженого, как говорится...

Закон подлости на войне работал, как никакие другие. Будешь обходить часами, потом выяснится, что никаких мин не было. Пойдешь прямо, рванет под ногами. Но фланговыми маневрами увлекаться не стоило.

Глеб представлял себе, как добраться до Утинога Брода. Он разглядывал в бинокль дальнюю опушку, фиксировал взгляд на перелесках.

В одном из них находились люди. Они не особо сохраняли режим светомаскировки. Там вспыхнул фонарь, завелась, мигнув фарами, машина.

Противник находился везде. Часть его сил была сосредоточена недалеко от Мясного Бора. Ему требовались считанные минуты, чтобы, используя вездеходы, оказаться на месте. С техническим оснащением у немцев проблем не было. В отличие от советских войск, они брали не числом.

Разведчикам пришлось податься в обход. Через триста метров Глеб снова припал к биноклю. В данном квадрате заслоны и скопления живой силы врага отсутствовали.

Рисковать Шубин не мог, снарядил в дорогу четверых. Через десять минут, убедившись в том, что все тихо, за ними двинулись остальные бойцы. Часть пути они шли ложбинами, ползли на открытых участках.

Шубин спешил, стремился до двух часов ночи дойти до Утинога Брода. Группа в темпе двигалась через сосняк, хрустел валежник под ногами. Шубин поторапливал своих людей. Мол, не спать, шире шаг! Почему отстали? Вы что там, хворост собираете?

В общей сложности они прошли не больше полутора километров, уперлись в речушку с обрывистыми берегами, залегли за глиняным валом. Подошло кудлатое облако, закрыло луну. Вода журчала на перекатах, матово отсвечивала. Ширина речушки составляла метров тридцать, но она, похоже, была полноводной, и глубина ее могла оказаться внушительной. Из полумрака вырастал противоположный берег, космы травы свисали с обрыва, ворошился кустарник, дальше – лес.

С дальнего берега доносились голоса, смеялись мужчины. Язык, на котором они общались, был, увы, не русский.

К обрыву немного в стороне выходила проселочная дорога. В лучшие времена берега связывал мостик. Но сейчас конструкции громоздились в воде, уцелела лишь центральная опора. Видимо, советские солдаты подорвали его, когда выходили из окружения.

Оккупанты восстанавливать мост не стали, в этом отсутствовала необходимость. Для переправы они использовали весельные лодки, которые гудились на дальнем берегу. Там белела полоска намывного пляжа.

– Товарищ старший лейтенант, обходить надо, – прошептал Шемякин. – Посмотрите, что там творится.

Решение не вызревало. Шубин всматривался в противоположный берег. Согласно подсказкам из памяти, Утиный Брод был левее, за рекой. Дистанция составляла метров восемьсот или километр. Куприн уверял, что мостик цел, значит, ошибся.

Берег, на котором находились разведчики, был чист от оккупантов, но на другом их наблюдался явный переизбыток. Горели костры, сновали смазанные фигуры.

Возле лодок кто-то выбрался из воды, отфыркался, полез наверх. Немцы встретили товарища шуточками. Они отдыхали у воды в часы досуга. Время для отбоя еще не наступило.

– Что делать будем с этими фрицами, товарищ старший лейтенант? – прошептал Ленька Пастухов. – Уж больно много их.

– Водой обольем, – деловито предложил Ситников.

– На хрена? – не понял Шемякин.

– Так сегодня ночь на Ивана Купалу, – объяснил боец. – То ли языческий, то ли христианский праздник, не помню. Обливаются все, короче. А еще через костер прыгают. Середину лета вроде отмечают.

Кто-то хрюкнул, не удержал смешинку во рту, за что получил локтем от товарища.

– Товарищ старший лейтенант, а спать мы сегодня будем? – спросил Костромин.

– Завтра будем, – буркнул Глеб. – Так, закрыли рты! Не злите меня.

Немцы непринужденно проводили время. Кто-то из них купался, сбросив обмундирование и нательное белье.

Нарастал мотоциклетный треск. По проселочной дороге на обрыв выехали два «БМВ», стали выписывать круги, потом остановились.

Посыпались окрики. Купальщики быстро выбирались из воды. Там явно что-то намечалось. За кустами нарастал многоголосый гул, покачивались головы. Немецкие слова перемешались русскими, большей частью матерными.

Глеб напрягся, холодок пополз по костяшкам позвонка. За кустами мелькали огоньки фонарей, подходили люди. Кто-то закричал на высокой ноте, разразились гневные выкрики.

Ударил автомат, застонал человек. Хлопнул pistolетный выстрел, и стон оборвался. Снова шумел народ, сыпались звуки ударов.

Автоматчики выгнали к обрыву кучку людей, человек пятнадцать, окружили их. Работали фонари. Различались понурые спины, оборванные гимнастерки советского покроя.

Это были наши военнопленные! Фашисты прикладами гнали их к обрыву. Они замирали на краю, смотрели вниз.

– Сволочи, что вы творите? – прохрипел кто-то. – Будьте вы прокляты, скоты!

Остальные слова в этой пламенной тираде никак не относились к цензурным.

Один из пленных вдруг прыгнул с обрыва, погрузился в воду, всплыл, начал судорожно кашлять. Сил в руках осталось немного, но он греб и тяжело, с надрывом дышал.

Орали солдаты, наставив автоматы на пленных. Трое подбежали к обрыву. Двое из них открыли огонь по пловцу, а третий для удобства своих товарищей светил фонарем. Пули прошли незадачливого беглеца, он дернулся, погрузился в воду. Через мгновение мертвое тело вынырнуло и неторопливо поплыло по течению.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите открыть огонь? – взволнованно прошептал Бердыш. – Вот же они, рядом. Положим половину и свалим к чертовой матери. На этом берегу нас не возьмут, уйдем. А наши успеют разбежаться, хоть кто-то выживет.

Это противоречило инструкциям, было безграмотно, непрофессионально! Глеб не мог смотреть на это избиение, но скомандовать не успел.

Пулеметчик, сидевший в люльке мотоцикла, не стал дожидаться, пока созреют автоматчики, и окатил пленных, стоявших на обрыве, трескучей очередью! Он смеялся и давил на спусковой крючок. Пули сбрасывали несчастных в воду. Возможно, кто-то прыгнул сам, ведь дурной пример заразителен, а один шанс из миллиона лучше, чем вообще ничего. Кто-то бросился бежать вдоль обрыва, но охнул, повалился вниз, зацепился гимнастеркой за голый куст и повис на нем.

Ругался унтер-офицер. Дескать, что за вмешательство в дела расстрельной команды? Но возмущался он не очень убедительно. Несколько человек подбежали к обрыву, стали стрелять по всплывающим телам.

Шубин не решился отдать команду. Какой теперь смысл? Отомстить за ребят и погубить дело? У этих вояк должна быть рация, они поставят на уши весь район! Требовалось сохранять хладнокровие. Плевать, что думают остальные!

Никто не открыл огонь, бойцы ждали команды. Идиотов здесь не было, все понимали, чем чреват срыв. Но все равно противно было на душе. Люди отворачивались, сползали с косогора.

– Да ладно, командир, чего дурить-то? – проворчал Завадский. – Их больше, подавят они нас, только выдадим себя.

– Мы ничего не можем сделать, товарищи, зарубите себе на носу, – твердо сказал Шубин. – Проявим мягкотелость, двинем горой за справедливость и рискуем запороть дело. У нас своя работа, всем не поможем. Слушай мою команду! Воспользоваться переправой невозможно, она подорвана. Уходим влево. Немцы не могут занимать весь берег. Будем переправляться там, где их нет.

Группа растянулась вдоль берега, шла по дну канавы. За спиной опять раздавались крики. Прогремел нестройный залп. Видимо, немцы расстреляли вторую группу пленных.

Метров через триста начались заросли ивняка. Соваться в них было бессмысленно, только привлекать внимание.

Глеб выполз на обрыв, стал осматриваться. Берега были сильно изрезаны, обрывы чередовались с впадинами. Светлели полосы пляжей. Напротив громоздились глиняные уступы. Немцев здесь не было. Все они остались за излучиной.

– Четверо вниз! – скомандовал Шубин. – Раздеваемся, одежду в вещмешки, автоматы над головой. Проплыть надо немного, только середину. Дальше будет мелко. Пятеро остаются здесь. В случае опасности прикрывают.

Он отправился в первой партии. Люди спустились с обрыва по крутой тропе, быстро облачились, утрамбовали в объемистые вещмешки обмундирование и амуницию. Автоматы и мешки им пришлось держать одной рукой.

Течение было не сильное, но все равно сносило. Бердыш оступися и ойкнул. Ворчал Юрка Малинович. Мол, уж лучше марафон пробежать, чем вот так, в полную неизвестность, в омут головой.

Вода была прохладной. Дно реки ушло из-под ног Шубина. Он греб одной рукой, хватал воздух. Ему не хватало кислорода, груз тянул вбок. Несколько раз он глотал воду, испытывал приступы паники, за бойцами уже не следил, пытался справиться с собой.

Глеб сначала не понял, во что уткнулся. Рыба, что ли? Объект был крупный, мягкий, податливый. Желание разжать руку было нестерпимым. Всплыл труп с перекошенным лицом, в полумраке скалились зубы. Шубин шарахнулся от него, как от холеры, отплыл в сторону, наглотался воды и тут же столкнулся еще с одним. Это был молодой парень в рваной гимнастерке. Волосы слиплись, в распахнутый рот наливалась вода.

Расстрелянные красноармейцы плыли по течению. Дорожки живых и мертвых в этот час пересеклись. Сзади кто-то сдавленно вскрикнул. Да уж, неприятная встреча.

Шубин подался вперед, стал яростно грести. У него стали возникать серьезные проблемы с дыханием, но тут он почувствовал ногой дно.

Потрясенные пловцы выбирались на берег, бежали под обрыв, матерясь сквозь зубы, развязывали мешки. Немцы в эти края еще не забрались. Глеб замахал рукой, сигнализируя товарищам, находящимся на другом берегу. По реке все еще плыли тела, смотрели в небо незрячими глазами.

До Утинога Брода осталось не больше километра. Карту в землянке у комполка Шубин помнил. От моста на юго-запад, по гипотенузе. Хоть тресни, других населенных пунктов в округе не было. Когда за опушкой обозначилась деревня, у старшего лейтенанта не возникло никаких сомнений в том, что она-то ему и нужна.

Крохотный населенный пункт лежал в низине, окруженный хвойным лесом. Невзрачные избы прятались под сенью яблонь и рябин. Из ночного мрака проявился кривобокий плетень, заросший бурьяном. Улица как таковая в поселке отсутствовала. Дома стояли в хаотичном порядке, к каждому участку вела своя тропа. Огороды обрамляли кусты малины и смородины. Справа возвышалась силосная башня, до середины кирпичная, выше – сбитая из почерневших досок.

Проявилось строение, ближайшее к башне. Его маскировали деревья, но в полумраке выделялись светлые наличники.

Бойцы шли по опушке, держась кустарника. Башня выросла, превратилась в уродливое щербатое сооружение. Этим образцом сельского зодчества люди давно не пользовались. Дверь была выломана, под фундаментом валялись битые кирпичи.

Разведчики двигались по двое, короткими бросками. Они ныряли в траву, поднимали головы, слушали. Деревня спала, если в ней имелось кому спать. В лесу покрикивал неспящий филин, в разбросанной соломе стрекотал кузнечик. Стоило Глебу замереть, настроиться на эту тишину, и по плечам его поползли мурашки.

Облака закрыли луну и звезды. Ночь была безветренной, природа погружалась в какой-то ленивый анабиоз.

– Немцев нет, товарищ старший лейтенант, – прошептал Клим Шемякин. – Ни машин, ни мотоциклов, ни даже повозок.

Но вставать в полный рост старшему лейтенанту не хотелось. Кошки скребли на душе. Легкий ветерок все же присутствовал, пригнал сладковатый запах, слабый, мимолетный, но этого хватило, чтобы горло сжалось. Удивляться не стоило, весь район представлял собой бесконечное кладбище под открытым небом.

– Пошли, парни.

Группа переместилась за силосную башню. Запах гнили усилился. Завадский чуть не сверзился в яму, забитую протухшей травой, и душевно высказался по этому поводу.

Разведчики просочились через кустарник, рассредоточились вдоль продолговатого сарая. Заходить в него им решительно не хотелось. Ограда практически отсутствовала. Возник двор, заваленный каким-то хламом. Слева грядки, справа, вдоль уцелевших секций забора, понурые садовые деревья. Обозначилось крыльцо, пара окон, задернутых изнутри занавесками. В избе горела свеча.

Малинович по команде Шубина подполз ближе, перебежал за остов телеги с вывернутыми оглоблями, затем рискнул приблизиться к крыльцу, присел на корточки. Фигура бойца сливалась с темнотой.

Он шевельнулся, прогулялся за угол, потом вернулся, припустил обратно и доложил:

– Есть там люди, товарищ старший лейтенант. Мужики, двое или трое, черт их знает. Ждут чего-то, тихо бухтят меж собой не поймешь о чем. На той стороне окно открыто, окуроч из него вылетел.

– Нас они ждут, – проворчал Шемякин. – Немцы нагрянут, эти ребята через заднее окно эвакуируются и в овраг шмыгнут. Только фрицы вряд ли появятся. Ночь на дворе, да и выгребли они уже все из местных сусеков.

На другом конце деревни загавкала собака, сон плохой увидела, но быстро охрипла и замолкла.

«Вроде все в порядке, в избушке партизаны товарища Антонова ждут гостей. Или что-то не так? Хоть тресни, не могу понять», – подумал Глеб.

– Все спокойно, товарищ старший лейтенант, – подал голос Шемякин. – Наши это, партизаны. Разрешите, мы с Завадским сходим, удостоверимся? Пароль и отзыв помним, хозяин дома – Сурков Михаил Евграфович.

– Давайте, – сказал Шубин. – А мы, если что, подстрахуем.

Двое, пригнувшись, побежали через двор. Мякнула кошка, материализовалась из темноты и юркнула в щель под штакетником. Завадский споткнулся, шикнул на ни в чем не повинное животное. Ничто не менялось в окружающем пространстве. Боец поднялся на крыльцо, постучал в рассохшуюся дверь. Шемякин остался во дворе, скинул с плеча автомат, исподлобья озирался.

Долго ждать не пришлось. За дверью прозвучал настороженный голос. Последовал обмен какими-то репликами, дверь со скрипом открылась.

Человек держал в руке зажженную свечу. Отблески пламени прыгали по серому лицу. Мужик в жилетке и ватных штанах отступил в темноту.

Завадский вошел внутрь, позвал Шемякина. Боец поднялся на крыльцо, тоже растворился в доме.

Донеслись радостные возгласы:

– Наконец-то! Да, мы от товарища Антонова.

Захлопнулась входная дверь.

– Слава богу! – Бердыш облегченно вздохнул. – Добрались, теперь не будем плутать в тумане.

Волосы прилипли к вспотевшему лбу Глеба, затруднилось дыхание. Что-то шло не так. Шубин напрягся.

«Зачем я отправил людей? Самому нужно было идти!»

В сарае что-то заскрипело, там заржала лошадь. Откуда она взялась в этой деревне? Здесь не должно быть никаких лошадей! Все, что не съели окруженцы, отняли бы немцы!

Никита Костромин встрепенулся, что-то буркнул на озадаченной ноте.

В доме продолжался разговор. Вспыхнула вторая свеча.

Внезапно кто-то объявился на углу, прижался к стене избушки, чего-то выжидал. Перебежал еще один, встал рядом, высунул голову.

В избе прогремел пистолетный выстрел, затем еще один. Пролаяла очередь из «ППШ». Автомат захлебнулся. Затрещали МП-40. Огонь велся одновременно из нескольких стволов.

Никита Костромин, лежащий рядом с командиром, ахнул и начал подниматься. Глеб схватил его за шкирку, прижал к земле.

Грудь Шубина сдавил стальной обруч. Значит, всем теперь суждено погибнуть, не выполнив задания?!

– Не стрелять, всем назад! – прошипел он.

На душе у него было мерзко, но иначе никак.

Деревня в один момент наполнилась шумом. Где были раньше все эти люди? Несколько человек выскочили из-за угла, бросились к крыльцу. Двое влетели в избу, остальные остались во дворе, рассредоточились. Пара бросились за телегу. С соседнего участка бежали еще какие-то типы, перекликались по-русски, обильно используя нецензурную лексику. На рукавах у них белели повязки. Полицаи!

В доме громко переговаривались люди, брань сыпалась как из рога изобилия:

– Зачем убили этих двоих? Живыми надо было брать! А если их всего двое?

– Мамон, не гневись, они нас раскусили, за оружие схватились, да только мы первыми начали.

Шубин скрипел зубами, отполз к кустарнику и выдал из себя команду:

– Костромин, ты со мной! Остальные в лес, да не светиться. Глинский за старшего. Если будет пальба, не реагировать, выполнять задание.

Разведчики отползали к силосной башне. До леса от этой уродины было рукой подать.

Глеб нырнул в ближайшую канаву, длинную, извилистую, тянущуюся вдоль опушки. Костромин прыгнул за ним, бросился ловить пилотку, слетевшую с головы. Они забрались на косягор, застыли. Перемещения разведчиков остались незамеченными.

Вокруг избы царил суета. Командовал там внушительный субъект в немецком френче и полевом кепи. Из-под кителя выпирал живот, и погоняло Мамон шло ему идеально.

– Осмотреть деревню! Здесь должен быть кто-то еще! Груздев, почему людей не выставил по периметру?! К стенке хочешь за безответственное отношение к службе?

Полицаев было никак не меньше дюжины. Они бегали как муравьи. Щелкал кнут, покривал возница. К задней стороне участка прибилась повозка, запряженная парой лошадей, с нее слетели еще несколько человек, стали разбегаться.

Зажглись фонари. словно светлячки вились по воздуху.

Полицаи врывались на соседние участки, топтали грядки, хлопали двери. Кто-то бросил гранату, прогремел взрыв. Все завопили, захлопали выстрелы. Несколько человек сорвались с места, побежали участвовать в боевых действиях.

Однако недоразумение разрешилось.

– Что-то шмыгнуло в сарае, подумал, что человек, а оказалось, кошка, – оправдывался полицай.

Но гранату он уже извел. От сарая осталась кучка битых досок.

– Вояки, кол вам в душу, ничего прилично сделать не можете! – разорвался Мамон.

Операцию по отлову чужаков фашистские прислужники действительно провели плохо. Они устроили засаду в доме, разместили по соседству дополнительные силы, а подступы к деревне оставили без присмотра.

Полиции продолжали шарить по деревне. Несколько человек вторглись в сарай, стоявший позади двора, проломил заднюю стену и в панике выбежали оттуда, пока потолок не свалился им на головы. Другие в это время обшарили кустарник и направились к силосной башне.

– Эй, братва, давай без разрушений! – выкрикнул кто-то.

– Да на хрена нам эти старые развалюхи, Михей? – проворчал его приятель. – Взорвать эту чертову деревню и бульдозером разровнять! Немцы большевиков добьют и новые деревни нам построят, большие и красивые! А коли нет, так мы и сами это можем!

В башне полиция не задержалась, продырявила пулями зловонный силос, потянулись обратно. Двое спустились в канаву, но Шубина с Никитой там уже не было. Они ползли по дну ложбины, перебрались за грудой камней. Это было предусмотрительно. Лезть в кусты полициям не хотелось, наличие посторонних личностей они проверяли пулями.

Человек восемь вошли в лес.

Глеб затаил дыхание. Если парням не хватит выдержки и они все же решат поквитаться за товарищей, то на задании можно будет ставить крест.

Но сознательность победила, бойцы ломали себя через колено. В каких-то ситуациях нужно терпеть.

Полиция вернулась на опушку, криками известили подельников о том, что в лесу никого нет, и побрели в деревню.

Шубин скорчился за камнем, провожал глазами удаляющиеся спины. Шумно дышал Костромин, с ненавистью таращился вслед полициям.

– Стыдно, товарищ старший лейтенант. – Боец сжал кулаки. – Сидим тут как трусливые крысы, спрятались в норку.

– Не гунди! – огрызнулся Глеб. – Перетерпим. Будет на нашей улице праздник. Скоро уже.

Он обернулся. Лес за спиной сурово помалкивал. Кто-то привстал за деревом, высунул голову. Глеб тоже поднялся и махнул рукой. Назад, ждать! Боец померцал несколько мгновений и убрался.

Крики не смолкали, неслись со всех концов Утиног Брода.

Разведчики перебрались к силосной башне, затем рискнули доползти до сарая, затаились. В задней стене дощатой постройки зияла дыра. Удивительно, что крыша не обвалилась.

Трое мужиков слонялись по двору, курили, увлеченно беседовали. Из обрывков речи явствовало, что они не местные, прибыли из села Припятово, что на севере, базируются внутри котла, в деревне Грызлово, где-то западнее.

Глебу совершенно не хотелось внимать их трепу. Эти люди не были перегружены ценными сведениями.

На задней стороне участка снова кто-то шумел, мелькали головы за оградой.

– Мамон, их только двое было! – сказал полицейский, слегка заикаясь. – Можем уезжать, нечего здесь больше делать!

– Самый умный, Сопля? – огрызнулся старший. – Здесь я решаю, уезжать или нет. Ваше дело – сопеть в тряпочку и сражаться за великую Россию без жидов и комиссаров!

Послышался треск двигателей, и через минуту во двор въехали два мотоцикла. Прибыли немцы, все в шлемах, в плотных непромокаемых плащах. В каждой коляске стоял МГ-34. Пулеметчики не поднимались, настороженно косили по сторонам.

С головного мотоцикла слез офицер с автоматом, заброшенным за спину. К нему подбежал Мамон, начал что-то быстро и угодливо говорить. Офицер плохо понимал по-русски, прервал тираду, приказал говорить медленнее и понятнее. Мамон понизил голос, стал четко проговаривать слова.

Глеб не понимал смысла их беседы, слишком далеко находился. Видимо, полицейский докладывал обстановку. Офицер бросил что-то односложное, выражая недовольство. Мамон вытя-

нулся по швам, сделал придурковатое лицо. Собеседников освещали фары ведомого мотоцикла.

Офицер уселся на прежнее место. Мотоциклы развернулись и покатили на запад.

Мамон расслабился, от души выругался. Головокружительный рост его карьеры явно откладывался. Он стал распинать своих подчиненных, полоскал их в хвост и гриву. Из его реплик следовало, что полиция останется в деревне по крайней мере до утра, пока сюда не придут немецкие солдаты.

Но держать тут такую толпу смысла не было. Полицаи выгоняли из сараев телеги, запряженные лошадьми. Две повозки, нагруженные вооруженными людьми, потянулись к выезду из деревни. Вскоре возгласы возниц и скрип колес растворились в лесу.

В доме Михаила Евграфовича Суркова остались несколько человек. Пересчитать их, к сожалению, не было возможности. Еще сколько-то полицаев ушли в соседнюю избу. На крыльце обрисовался силуэт часового. Он курил, выпуская колечки дыма.

– Действуем, товарищ старший лейтенант? – спросил Костромин. – Сколько еще ждать? Я могу обойти, подобраться к нему из-за угла.

– А дальше? – Шубин поморщился. – Ты знаешь, сколько их в деревне?

– Где-то семь-восемь. – Никита замаялся.

– А у меня ощущение, что больше. Ты не выступай, Никита. Христос терпел и нам велел.

Часовой неторопливо спустился с крыльца, стал прохаживаться по двору, поддевал носком мелкие камешки, снова закурил.

– Он совсем не следит за своим здоровьем, – глухо прошептал Костромин. – Разве можно столько курить, да еще и на посту?

Глебу пришлось слегка двинуть его локтем.

Часовой продолжал бездарно тратить время, отведенное свыше на его жизнь. Это был рослый тип лет тридцати, безусый, в кепи, лихо заломленном на затылок.

Шубин потянулся к Никите и стал что-то шептать ему на ухо. Боец застыл, потом согласно закивал и пополз к дыре, зиявшей в задней стене сарая.

Полицая надоело болтаться по двору. Он подтянул штаны, поправил ремень карабина, спадающий с плеча, и собрался убраться за угол. Но тихий, какой-то странный звук привлек его внимание. Этот тип застыл, повернул ухо по ветру. Звук ему не почудился. Кто-то тихо стонал. В этом не было ничего угрожающего, и все же полицай стряхнул с плеча карабин, начал вертеться.

Звук проистекал из сарая. Парень помялся, напряг мозговые извилины. Поступи он логично, извести товарищей, и разведчикам пришлось бы спешно делать ноги.

Но этот фрукт был не из тех. Плавно, переступая с пятки на носок, он двинулся к сараю, подошел к проему, в котором болталась дверь на одной петле, и снова задумался о том, правильно ли поступает. Нет, глупость победила. Полицай включил фонарь, переступил через порог, стал осматриваться, сделал шаг и глухо охнул. Рухнуло тело, началась возня. Никита заткнул ему рот и несколько раз врезал кулаком в лицо. Парень пару раз взбрыкнул и затих.

Шубин подполз к дыре, перебрался внутрь, стараясь ничего не касаться. Крыша держалась на соплях.

Никита сидел над распростертым телом и приводил в порядок дыхательную систему. Этот упырь все-таки схватил его за горло.

– Он живой? – уточнил Шубин.

– Обидно, товарищ старший лейтенант, – заявил подчиненный. – О здоровье разных подонков вы печетесь больше, чем о моем.

– Ладно, не умничай. Надежно вырубил?

– Нет, нужно вытаскивать его отсюда, пока не очнулся.

Да, с этим стоило поспешить. Кто-то мог увидеть, что часового нет, и озаботиться его отсутствием.

Глеб и Никита за шиворот извлекли этого типа из сарая. Он тяжело дышал, пребывал в отключке. Даже в темноте было видно, как под глазом у него разбухает синяк. Никита поднял кепку, упавшую с головы полицаю, скомкал ее и засунул в открытый рот.

Полицай очнулся. Глаза его блуждали. Он начал дергаться, и Шубину пришлось ударить его в переносицу. Бедняга откинул голову и застыл. Разведчики затащили его за силовую башню и бросили у кирпичной стены.

– Тяжелый, черт, – отдувался, утирая пот, Костромин.

Когда язык в очередной раз пришел в себя, в горло ему уперлось острое лезвие. Сталь вдавилась в кожу, тонкой струйкой засочилась кровь.

Полицай напрягся, как-то сообразил, что шевелиться нежелательно. Над ним висели два безликих силуэта, и он догадывался, кто это такие.

– Сейчас кляп вынем, дружище, – сказал ему Глеб. – Ты же понимаешь, что будет, если заорешь? А оно тебе зачем? Сразу в расход, а так еще бабушка надвое сказала. Понимаешь мысль?

Полицай осторожно кивнул. Костромин выдернул кляп.

– Подождите, не убивайте, меня заставили, – пробормотал полицай.

Начало разговора было стандартным, самым обычным.

– Заткнись. Отвечай на вопросы. Зовут как?

– Николай Беляшов. – Здоровяк умирал от страха, мышцы его лица сковала судорога. – Послушайте, они сказали, что убьют мою жену и дочь, если я не пойду в услужение немцам.

– Заткнись, говорю, Беляш. А то зарежем прямо здесь и сейчас. Сколько ваших осталось в деревне? Честно отвечай, а то проверим и накажем, если соврешь.

– Девять нас, – выдавил из себя Николай.

– Ох, ни черта себе! – впечатлился Костромин. – Да ладно, товарищ командир. Нас никогда не пугали трудности.

– Ты тоже заткнись, Никита. Где рассредоточены ваши люди, Николай?

– Пятеро в этой избе, я шестой. Трое в соседней. Уже спят, наверное. Меня сменить обещали через два часа.

– Что с нашими людьми?

– Их убили. – Предатель снова задергался. – Это не я. Одного Мамон застрелил, другого – Сенька Белый. Тела в подпол сбросили. Мамон сказал, пусть там лежат, чтобы не воняли.

– Вот сука! – Никита не сдержался, двинул пленника в челюсть.

Тот дернул головой, клацнули зубы. Шубин добавил, выпуская пар, но все-таки сдержался. Челюсть предателя осталась на месте. Разведчикам пришлось подождать. Никита, чертыхаясь, достал фляжку, плеснул воды на лицо полицаю.

– Просыпайся, Коляша. – Глеб похлопал его по лицу и спросил: – Кто партизан сдал?

– Это Леха Комарь. – Полицай закашлялся. – Он у них в отряде был, к нам переметнулся. Рыжий такой, рябой. Он тоже в избе, под присмотром пока. Мамон распорядился оружие у него отобрать. Потом, говорит, посмотрим.

– Что с партизанами сделали?

– Застрелили. Они в канаве, дальше на опушке.

– С семьей Суркова что?

– В той же канаве. – На глазах предателя заблестели слезы.

Можно подумать, он сильно переживал за гибель людей.

– Товарищ старший лейтенант, можно я его убью? – попросил Никита. – Ну, пожалуйста. Неужто жалко вам?

– Не убивайте, умоляю, – провыл изменник социалистической Родины.

– Вы оба мне уже надоели. – Шубин скрипнул зубами. – Немцы далеко, Николай? Мотоциклистов мы уже видели, среди них был офицер.

– В Горюнах немцы базируются. Это в трех верстах на северо-запад. Там каратели, два взвода СС, иногда облавы по лесам проводят, деревни жгут. Могут подъехать, но только утром. Так офицер сказал Мамону.

– Полицаи еще есть в округе?

– Не знаю. наших было больше в Утином Броде, но часть уехали в Ольховку. Там стоят два взвода.

– Понятно. Можешь помолчать, Николай. Никита, дуй за парнями. Пусть подтягиваются, но чтобы не светились. Устроим этим тварям Варфоломеевскую ночь. Пришло время. А мы пока с Коляшей по душам поболтаем. Пусть этот гад искупает свою вину.

Десять минут пролетели как мимолетный сон. Полицаи из дома не выходили, уже спали, наверное.

Красноармейцы рассредоточились у сарая. У парней чесались руки, они изнывали от нетерпения.

– Глинский, Ситников, обойти участок и в соседний дом. Там трое. Надо избавиться от них, но без шума. Сами сообразите, как это сделать.

– Мы сообразим, товарищ старший лейтенант, – заявил Ситников, у которого от возбуждения раздувались ноздри. – Еще как сообразим. Вы, главное, не переживайте.

Он и Глинский отступили с занимаемых позиций, исчезли во мраке. Малинович и Ленка Пастухов наворачивали глушители «БраМит» на стволы «наганов». Эти устройства практически не поступали в войска, но Шубин знал, с кем договориться.

Он в очередной раз извлек кляп изо рта Николая, предварительно предупредил его о том, чем чреваты любые запрещенные действия. У полицай подгибались ноги, он трясся от страха. Пастухов и Малинович перебежали за телегу. Бердыш поднялся на крыльцо, прижался к косяку. Остальные прятались во мраке, приготовив автоматы.

Николай сделал несколько неуверенных шагов, поднялся на крыльцо. Героем он точно не был и спасать дружков за счет своей жизни не собирался. Полицай подошел к двери, отчаянно колебался, но все же решился, взялся за ручку. Бердыш схватил его за шиворот, воткнул в бок ствол пистолета. Николай понимал, что шансов у него не было. Разведчики держали его на мушке.

Николай потянул на себя скрипучую дверь и хрипло выкрикнул в сумрак:

– Эй, мужики, давайте быстрее сюда! Выходите, говорю, господа немцы прибыли!

Повторяться не имело смысла, орал он громко. Бердыш стащил предателя с крыльца, бросил на землю, а сам помчался за угол. Николай поднялся. На него было жалко смотреть. Челюсть отвисла от страха, пальцы совершали произвольные движения.

Нечисть повалила из избы. Полицаи спрыгивали на землю, гремя автоматическим оружием, подтягивали штаны, застегивали куртки. Их было только трое. Остальные еще копались внутри.

У здоровяка с погонялом Мамон подрагивала левая половина лица. Это был неприятный тип, какой-то рыхлый, упитанный. Кожа свисала с дряблых щек.

– Коляша, где немцы, ты чего несешь? – заорал он.

Глушители «БраМит» особой надежностью не отличались, но работали. Посыпались хлопki. Полицаи закружились в диковатом танце. Толстяк Мамон выпучил глаза, схватился за живот и осел на землю, беззвучно хлопая ртом. Повалился и раскинул руки угловатый увальень в гражданской кепке. Третий пустился наутек, упал с подрубленной ногой, перевалился на спину. Треснула височная кость, кровь хлынула ручьем.

Пока кипели страсти, Николай предпринял попытку улизнуть и даже добежал до сарая, когда Малинович спохватился и перенес огонь. Одна из пуль попала полицаю в спину, он упал

на колени, стал кашлять. К нему помчался Ленька Пастухов, успевший отстрелять всю обойму, вытащил на бегу нож.

Ноги понесли Глеба к крыльцу. Он вскинул автомат, одним прыжком преодолел ступени. Дверь осталась приоткрытой.

На улицу вывалился еще один кадр, рассупоненный, с вытаращенными глазами. Он, как ни странно, соображал, вскинул автомат, прыжком убрался в темноту.

Шубину пришлось стрелять. Автомат трясся в его руках, пули летели по всей ширине проема.

Полицай орал, но недолго, пока масса свинца в его организме не стала избыточной. Он обрушился на пол, как куль с картошкой.

Глеб перепрыгнул через тело, ворвался в горницу, поливая ее огнем. Керосиновая лампа разлетелась вдребезги, но еще горела свеча на окне, ее не задела пули. Грузное туловище скатилось со скамеек, составленных впритык, шарахнула встречная очередь. Но Глеб ее предугадал, метнулся в сторону, отбил плечо, кажется, о печку.

Мимо него промчался Максимка Бердыш, прыгнул на полицая, оседлал его, стал наносить удары ножом в грудь. Предатель давился кровью, подскакивал, словно жеребец.

В дальнем углу находился кто-то еще. Этот тип был без оружия. Пули не задела его. Он слетел с груды тряпья, на которой лежал, бросился к окну, собираясь выбить стекло. Брызнули осколки, но проем оказался узким, и беглец застрял в нем. Он визжал от боли, плевался, когда Глеб схватил его за ворот и швырнул на пол.

К ним подбежал Пастухов с фонарем, и сразу все стало ясно. На полу корчился молодой рыжеволосый детина. Кровь текла с лица, усеянного оспинами, с порезанных рук.

– Алексей Комарь? – строго спросил Глеб. – Можешь не отвечать, все понятно. Вставай, сука, разговаривать сейчас будем.

– Вы не понимаете, – провыл предатель. – Я партизан из отряда товарища Антонова. Полицаи нас схватили, всех остальных убили, а меня связали, пытали, чтобы я выдал, где находится отряд. Но я им ничего не сказал, сумел развязаться, пока они спали.

– Врешь ты все, мерзавец! Ладно, полежи пока. – Комарь получил прикладом в лоб и потерял сознание.

Крови на его лице стало значительно больше.

Разведчики столпились в горнице.

Там нарисовались возбужденные Ситников и Глинский, и стало совсем тесно.

– У нас тоже все в порядке, товарищ старший лейтенант, – отчитался Валентин. – Трое спали в избе, как вы и сказали. Мы щеколду снаружи проволокой приподняли, проникли внутрь. Двоих сразу уgomонили, третий автомат свой искал, потом просил прощения за все. В общем, жалко табуретку, – смущенно признался Ситников. – Сломалась, когда ему череп крушила.

– Отлично! Мужики, здесь свечи должны быть, поищите, если не затруднит. Малинович, дуй на улицу, следи за обстановкой. Вроде не должны упыри слететься, но кто их знает. Эй, что там со свечами?

Горница озарилась мутным пламенем. Рябой Алексей валялся без сознания в луже крови. Грузный полицай, прежде чем скончаться, испортил воздух, и ароматы царили не очень приятные. Впрочем, ветерок проникал в разбитое окно и постепенно устранял запахи.

Крышка погреба находилась в углу. Туда спустились два бойца, подали на лестницу тела погибших товарищей, осторожно вытащили, положили на пол.

Кровь уже загустела. В глазах Завадского застыло изумление. Мол, как же так, ведь я такой осторожный, опытный, почему недоглядел? Лицо Шемякина перекосилось от злобы. Он понял, что все кончено, пытался забрать с собой хоть кого-то.

Разведчики обнажили головы, постояли над телами. Шмыгнул носом Ленька Пастухов.

– Выгаскивайте, мужики, – распорядился Шубин. – Нельзя их здесь оставлять, в лесу пристроим. Уходим быстро, пока бесы не примчались. А эту падлу я сам отведу. – Он схватил рыжего предателя за ворот и встряхнул.

Они работали оперативно, у мертвых полицаев позаимствовали гранаты. Глинский разжился устрашающим тесаком с зазубренным обушком. Бердыш принес из сарая вполне пригодные носилки.

Бойцы доставили мертвых товарищей на опушку, нашли канаву в лесу, завернули в плащ-палатки, уложили, засыпали камнями и листвой с ветками. Минуту молчания пришлось укоротить.

Рыжий гад выпутался из ремня, стянувшего ему запястья, и решил сбежать. Разведчики его догнали, надавали по шее, снова ввергли в беспамятство.

– Товарищ старший лейтенант и вы, парни, подойдите сюда! – донесся со стороны голос Малиновича.

К северу от силосной башни он нашел канаву, куда полицаи сбросили тела партизан. Бойцы стояли на ее краю и мрачно разглядывали погибших. Пятна света сновали по землистым лицам, по вывернутым конечностям.

Трое мужчин явно из леса, от товарища Антонова, крепкие, основательные, средних лет. Рядом с ними лежал пожилой седовласый человек. Очевидно, это и был Михаил Евграфович Сурков. Женщина лет сорока пяти была его женой, а девочка лет тринадцати – дочерью. Длинноногая, худая, с жиденькой косой. Она была одета в простенькое ситцевое платье, на ногах резиновые сапоги, на пальце копеечное колечко из сельмага, купленное, видимо, до войны. Смотреть на это было невозможно, люди отводили глаза.

– Сволочи, ребенка не пощадили, – прохрипел Никита. – Она-то в чем виновата? У самих ведь тоже дети.

– Они не люди, – заявил Глинский. – Отбросы общества, которых уничтожать надо без суда и следствия. Товарищ старший лейтенант, присыпать бы их.

Но сделать этого разведчики не успели. Чуткое ухо Бердыша уловило посторонние звуки. К Утиному Броду с запада приближались мотоциклисты.

Бойцы бросились в лес, стали пробираться вдоль опушки в южном направлении. Запаса времени у них не оставалось.

Леху Комаря они гнали пинками. Руки этого подонка были связаны за спиной. Он спотыкался, падал, но каждый раз поднимался самостоятельно. Тумаки, отвешиваемые предателю, становились все больше.

Что происходило в Утином Броде, осталось за кадром. Стена растительности поглотила звуки.

«Не найдут они нас без собак в короткие сроки», – уговаривал себя Глеб.

Через километр бойцы встали на привал, отдышались. Свет фонарей скользил по скрюченному пленнику. Он стоял на коленях, его рвало. Гад захлебнулся собственными выделениями, долго не мог продышаться.

– Притворяется эта сука, – с ненавистью процедил Ситников. – Разговаривать не хочет. Может, прирежем его, товарищ лейтенант? На кой черт он нам сдался?

– Можно и прирезать, – рассудительно изрек Шубин. – Если выяснится, что проку от него как от козла молока.

– Не убивайте, – простонал Леха. – Я сделаю все, что вы скажете.

– Вопрос в том, что ты можешь сделать. Ладно, кончай дурака валять, слушай. Люди от товарища Антонова ждали нас, должны были встретить и проводить в район Негожино. Зачем нам это нужно, вас не касалось. Но ты предпочел сдать своих друзей, чтобы заслужить милость у полицаев. Лучше молчи, Леха, не открывай рот, пока не скажу. А то ведь доведешь до греха. Ты, видимо, местный, раз оказался в этой компании. Колись, откуда ты?

- Из Липок, – выдавил из себя Леха. – Это недалеко, раньше была большая деревня.
- Отлично. Где Негожино?
- Это в двенадцати верстах, надо идти на юго-запад.
- Сами дойдем?
- Если повезет. Повсюду болота, гиблые чащи.
- Но ты, конечно, знаешь прямую дорожку, минуящую немецкие кордоны и базы, не так ли?
- Это не прямая дорожка, надо кренделями ходить.
- Допустим, Леха. Если хочешь еще пожить, то отведешь нас в тот район. Немного поспим, и в путь. За четыре часа дойдем?
- Не получится. Там сложно все.
- Все же постарайся. Возможно, часок-другой мы тебе накинem. Доведешь без приключений, попробую сохранить тебе жизнь. Не уверен, но попытаюсь.
- Хорошо, я отведу.
- Да куда же ты денешься, падла? – проворчал Ситников.

Бойцы прошли по осиннику не более шестисот метров. Потом выяснилось, что этот виртуоз опять стащил с запястий ремень. Похоже, он умел выворачивать кость из сустава, а потом возвращать ее на место. Подобные артисты иногда встречаются.

Рыжий поганец снова принялся ломать комедию, падал на колени, задыхался, стонал, что слепнет, когда на него попадал луч света. Пару раз он своего добился, получил сапогом по заднему месту. Разведчики злились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.